
МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

№ XVII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ,
СТИХОТВОРЕНІЯ,

Отрывокъ изъ неоконченной поэмы ().*

(Писано въ 1822 году).

Сводъ неба мракомъ обложился ;
Въ волнахъ Варяжскихъ лунный лучъ ,
Сверкая межъ вечернихъ пучъ ,
Столпомъ неровнымъ отразился,
Качаясь , лебедь на волнѣ
Заснуль , и все кругомъ почило ;
Но вошь по темной глубинѣ
Стремится бѣлое въшрило
И блещетъ пѣна при лунѣ.
Летишь испуганная пшца ,
Услышя близкій шумъ весла,
Чей это парусъ ? Чья десница
Его во мракъ напругла ?

Ихъ двое. На весло нагбенный ,
Одинъ смиренный жишель волнѣ

(*) Нѣсколько стиховъ изъ сего отрывка напечатано было въ Памятникъ отечественныхъ Музъ 1827 года.

Гребешъ и къ Югу править челнь;
 Другой, какъ волхвомъ пораженный,
 Стоишь недвижимъ — на брега
 Глаза вперишь, не молвишь слова,
 И черезъ челнь его нога
 Перешагнущъ уже гошова, —
 Плывущъ.

. . . „Причаливай старикъ!

Къ ушесу правь“ — и въ волны въ мигъ
 Прыгнуль пловець нешерпѣливой
 И береговъ уже достигъ.
 Межь тѣмъ, рукой несорочимвой
 Другой въшрило опустивъ,
 Свой челнь къ ушесу пригоняетъ
 Къ подошвамъ двухъ союзныхъ ивъ;
 Узломъ надежнымъ укрѣпляетъ,
 И входить медленной стопой
 На берегъ дикой и крушой.
 Кремьень звучишь и пламя вскорѣ
 Далеко освѣшило море.
 Суровый край! Громады скалъ
 На берегу стояшь угрюмомъ;
 Объ нихъ мятежный бѣется валъ
 И пѣна плещетъ; сосны съ шумомъ
 Качающъ старыя главы
 Надъ зыбкой пеленой пучины;
 Кругомъ ни цвѣта, ни травы,
 Песокъ да мохъ; скалы, стремнины,
 Вездѣ храняшь клеймо громовъ
 И слѣдъ пошочковъ истощенныхъ,
 И шлѣющъ кости — пиръ волковъ
 Въ разсѣлинахъ окровавленныхъ.

Къ огню забойливый старикъ
 Простеръ нѣмьющія руки.
 Примѣты долголѣтней муки,
 Согбенны кости, щощій ликъ,
 На коемъ время углубляло
 Свои послѣдніе слѣды,
 Одежда, обувь — все являло
 Въ немъ дикость, нужду и труды.
 Но кто-же шощь? Блистаеиъ младость
 Въ его лицъ; какъ вешній цвѣтъ
 Прекрасенъ онъ; но мнишся, радость
 Его не знала съ дѣтскихъ лѣтъ.
 Въ глазахъ пошупленныхъ кручина,
 На немъ одежда Славянина
 И на бедрѣ Славянскій мечъ.
 Славяиъ вошь очи голубые,
 Вошь ихъ и волосы злапые,
 Волнами падшіе до плечъ — — —
 Косматымъ рубищемъ одѣтый,
 Огнемъ живительнымъ согрѣтый,
 Старикъ забылся крѣпкимъ сномъ.
 Но юноша, на перси руки
 Задумчиво сложивъ крестомъ,
 Сидишь съ нахмуреннымъ челомъ.
 Проходишь ночь, огонь погасъ,
 Остыль и пепель, — вощь пучина
 Бльѣшь; близокъ ушра часъ,
 Нисходишь сонъ на Славянина.

Видалъ онъ дальныя страны,
 По сушь, по морю носился,
 Во дни былые, дни войны
 На Западъ, на Югъ бился,

Дѣла добычу и труды
 Съ суровымъ племенемъ Одена,
 И передъ нимъ враговъ ряды
 Бѣжали, какъ морская пѣна,
 Въ часъ бури къ чернымъ берегамъ.
 Внималъ онъ радостнымъ хваламъ
 И арфамъ Скальдовъ изступленныхъ,
 Въ жилищѣ сильныхъ пировалъ
 И очи дѣвъ иноплеменныхъ
 Красною чуждой привлекалъ;
 Но сладкій сонъ не переносишь
 Теперь героя ль край чужой,
 Въ поля, гдѣ мчится бурный бой,
 Гдѣ мечъ главы героевъ косишь;
 Не видишь онъ знакомыхъ скалъ
 Кириаландіи печальной,
 Ни Албіона, гдѣ искалъ
 Кровавыхъ съчъ и славы дальшой.
 Ему не снится шумъ валовъ,
 Онъ позабылъ морскія битвы
 И пламя яркое костровъ,
 И трубный звукъ и лай ловишвы.
 Другія грезы и мечты
 Волнуютъ сердце Славянина.
 Предъ нимъ Славянская дружина:
 Онъ узнаеть ея щипы,
 Онъ снова простираеть руки
 Товарищамъ минувшихъ лѣтъ,
 Забытымъ въ долги дни разлуки,
 Кошорыхъ ужъ и въ мѣръ нѣтъ. . . .

Межъ тѣмъ привычныя заботы
 Средь усладительной дремоты

Тревожатъ душу ешарика.
 Во снѣ онъ парусъ развиваешь,
 Плынешь по волю вѣшарка,
 Его тихонько увлекаешь
 Къ заливу свѣшларя,
 И рыба сонная владаешь
 Въ тяжелой неводъ ешарика.
 Все тихо: море почиваешь,
 Но туча виснешь: дальный громъ
 Надъ звучной бездною грохочешь,
 И вошь пучина подъ челномъ
 Книшъ, подьемаешся, хлокочешъ;
 Напрасно къ вѣримъ берегамъ
 Несчастный возвратишь хочешъ;
 Челнокъ шрешишь и — пополамъ!
 Рыбакъ идетъ на дно морское
 И пробудься, шрешишь онъ,
 Гладишь окресишь: брега въ нокоу,
 На полусвѣшларий небосклонъ
 Восходишь ушро золотое;
 Съ деревъ, съ ушесисшарихъ вершинъ
 На встрѣчу радостной денницы,
 Шребеча, полешларий шищи
 И разсвѣло. . . .

А. Пушкинъ.

